

■ Окончание. Начало на стр. 17

ним пискотом считалось, когда в боковые швы вшивались лампочки. Ты идешь-скупаешь, в кармане батарейка, и твои брюки светятся по периметру... Я вырос на музыке «Битлз» и приехал в Москву в так называемой битловской рубашке с высоким воротником, так что московские пижоны долго надо мной смеялись.

А историй, когда удалось не то чтоб чего-то такое преодолеть, но уклониться от судьбы, было много. Я вышел из самолета, который вскоре, поднявшись в воздух, разбился. Однажды девушка плеснула в меня стакан соляной кислоты — я успел увернуться. Был случай — кто-то забрался в квартиру, дождался моего прихода и хотел ударить сзади топором — чудо, что я вовремя обернулся.

— В одном интервью Леонов сказал: «Мы, конечно, неплохие актеры, но классом помельче, чем ушедшие мастера. Что вы хотите? Какое общество, такое и искусство». Вы согласны, что происходит девальвация?

— Действительно происходит, не могу объяснить, почему. Знаете, о прежних актерах легенды ходили, а о нынешних — сплетни. Сейчас одним театром не прожить — нужно и сниматься, и на телевидении мелькать, и на радио появляться, и с концертами ездить. Этим мы себя мельчим, к сожалению.

— Вы будете спорить, если я скажу, что актер не должен быть слишком хорошо образован, иначе у него сложатся твердые эстетические позиции, которые могут мешать режиссеру? Ведь, например, Мастроянни производит впечатление человека простодушного, если не дурачка: Феллини ему даже не давал читать сценариев.

— Да ну ладно, почему это «дурачка»? Я думаю, в каждой профессии есть свои мудрецы и свои идиоты, но суть не в этом. Суть в том, что выучиться на артиста невозможно: либо боженька тебя в лоб поцеловал, либо нет, а интеллект здесь ни при чем. И я не берусь оценивать уровень мозгов тех или иных артистов, но среди них очень много сумасшедших образованных людей, которые при этом замечательные профессионалы.

— Существует искусство для публики, и типичный его пример — спектакли театра «Ленком»; существует иное — как бы искусство для его создателя, искусство самопознания — скажем, творчество Тарковского (хотя теперь оно — чуть ли не часть массовой культуры)...

— Стоп-стоп-стоп, что значит «искусство для себя»? Пусть художник познает себя, но ведь в конечном итоге он выносит результаты этого процесса на суд зрителей. Нет режиссера, который, сняв картину, сидит и смотрит ее дома в одиночестве. А если актер выучит Гамлета и будет играть для себя в туалете, то он явно нездоров. Что это за глупость такая — искусство для себя? Просто есть разные аудитории зрителей.

— Но так или иначе — достаточно ли вам вашего существования в зоне искусства для публики? Не интересно было бы поэкспериментировать в необычном художественном пространстве? Даже не в пространстве самопознания художника, а в пространстве познания самих границ искусства?

— Естественно, все интересно попробовать. Но жизнь — она короткая, так можно уйти в эксперимент и назад не вернуться. Я знаю режиссеров, которые могут репетировать годами — пять, десять лет. И что? У нас в «Ленкоме» Анатолий Васильев работал над «Виндзорскими насмешницами». Через год репетиции закончились — самые стойкие сломались. Понимаете, есть актеры, которые способны отдать спектаклю целый год жизни. Но ни Чурикова, ни Леонов, ни Караченцов, ни Янковский не могли себе этого позволить: Васильев же собрал всех звезд. И я тоже не мог репетировать целый год, не отвлекаясь: у меня есть кино, телевидение.

Существуют художники, которым важен только процесс — такой у них стиль работы. Я несколько их не осуждаю, но мне это не подходит, мне нужен результат — чтоб пришла публика, открылся занавес, чтобы я вышел под аплодисменты — я ради этого живу.

— И чтоб девочки визжали...

— Да, а что в этом плохого? Замечательно же.

— Но вам не скучно? Сначала вы выступали в амплу героя, потом сделались очень интересным характерным актером, теперь комбинируете эти два начала в различных пропорциях. А дальше-то что?

— Да масса всего! Я еще в хорошей комедии не сыграл, в кино вообще еще практически ничего значительного не сделал. Есть очень много возможностей.

— Насколько я понимаю, вы активно занимаетесь бизнесом, а это сфера, где

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

без лукавства и изворотливости не обойтись. О какой своей аванюре вам приятно вспомнить?

— Каким же это я бизнесом занимаюсь? У вас неверная информация. Театрально-концертное объединение «Ленком» организует концерты, делает декорации, выпустило свой спектакль «Бременские музыканты» — вот чем я занимаюсь. А слово «бизнес» ко мне не подходит, я не бизнесмен. В своей фирме зарплату получаю, а зарабатываю актерским трудом: езжу на концерты, играю спектакли в других городах.

— Как-то вы показали по ТВ свою каскадерскую, где закусывали в нью-йоркском ресторане «Русский самовар» в обществе Михаила Барышникова. А вашему творческому объединению не приходило в голову пригласить его сюда, устроить гастроль? Или он не хочет приезжать в Россию?

— Нет, почему? К России Барышников относится очень хорошо. Я предлагал ему, но он сказал, что подумает, и мягко уклонился от разговора. Мне кажется, я не та фигура, которая должна заниматься гастролью звезды такого класса. Я думаю, здесь нужен уровень по крайней мере Госконцерта, какой-то серьезной организации.

— Так значит ваша организация — не серьезная?

— Ну она не такая уж мощная: мы делаем «задворки», делаем не очень крупные мероприятия — нас же всего четверо.

Хотя у меня была замечательная идея, я предложил Мише организовать выступление во Дворце спорта.

— Барышникову? Во Дворце спорта? Его ж с трибун не будет видно.

— ...Представляете, поставить пять сцен, на каждой свои декорации, своя труппа, и чтобы он переходил со сцены на сцену — как бы из одного балета в другой. За один вечер — пять балетов. Красивая была идея. Жаль, рухнула...

— Человек вы, как известно, коммуникативный: знакомы с Робертом де Ниро, Франко Неро, принимали у себя Гира с Синди Кроуфорд, Джона Войта. А расскажите, как случилось, что провели вечер с Бельмондо? И любопытно, что вы пили.

— Ну как? Нас познакомили, и я пригласил его поужинать, мы устроили прием, там,

кстати, был еще Лелюш. Пили великолепное грузинское вино, нам его специально привезли. А потом начали показывать друг другу фокусы: демонстрировать кто что может. Выяснилось, что все шутики гуляют по свету: он мне показал однорукого флейтиста — я еще в школе его делал. А я показал однорукого скрипача. Вообще он удивительный человек — что называется, артист божьей милостью.

— Переводчик был нужен?

— Поначалу да. Но, знаете, как говорят: после первой рюмки ты еще слабо владеешь языками, а после каждой следующей начинаешь объясняться все лучше и лучше.

— Будь у вас такая возможность, то с кем из тех, кого уже нет в этом мире, вы бы хотели провести вечер? Я имею в виду людей, о которых могли бы вздохнуть: «Эх, черт! Жаль, что мы разминувшись во времени!»

— С Параджановым. Правда, нельзя сказать, что я с ним разминувшись: однажды был у него в Тбилиси, четыре часа видел перед собой безусловного гения.

— Вы пытались как-то ему соответствовать?

— Не-е-т, я просто смотрел и слушал с открытым ртом. Но у меня есть забавная история, как я над ним подшутил. Дело в том, что он неожиданно предложил сыграть Георгия-Победоносца — эпизодик в «Легенде о Сурамской крепости». Я согласился, но понимая, что в действительности этого не будет, попросил его написать расписку, что я утвержден на эту роль. И он написал.

И вот премьера в Доме кино (Победоносца, естественно, сыграл кто-то другой). Я подхожу к Параджанову и говорю: «Это как же так, Сергей Иосифович? У меня ж расписка есть. Я ж на вас в суд подам». Он испугался, как ребенок... Не знаю, чего бы я не отдал, чтоб еще один вечер посидеть с ним, поговорить.

— Наверно, по молодости каждому актеру хочется славы, успеха, а что сейчас заставляет вас вертеться? Каков главный жизненный стимул?

— Да все тот же самый. Просто иначе жить не могу, я постоянно должен что-то делать. Если не репетирую спектакль, значит, в это время занимаюсь «Задворками» или еду на концерт. Когда в течение часа молчит телефон — для меня это беда.

— Я читала, что студентом вы вскрыли себе вены из-за обманутой любви. Теперь, вероятно, полагаете, что нет такой женщины, которая бы этого стоила?

— Почему? Вообще женщина — это такое дело... Это самое великое, что движет миром.

— Будто бы. Я вас только что спросила, что движет лично вами — что-то вы о женщине не вспомнили... Некогда вы и Ирина Алферова представляли собой образцово-показательную актерскую пару. Как вы полагаете, отчего распадаются браки?

— Вам на этот вопрос никто не ответит. Наверное, изменения происходят на уровне подсознания, невозможно сформулировать, почему люди расстаются, — наворачивается огромный ком всего-всего-всего.

— Пусть так, но вы умеете прощать?

— В принципе, умею. Да там было нечего прощать.

— Если говорить безотносительно к конкретной партнерше — вы способны на сексуальную агрессию? Способны ударили ради взаимного эротического наслаждения?

— То есть если она этого будет хотеть? Черт... никогда ничего подобного не делал, но мысль хорошая. Надо попробовать.

— Бывали ли случаи, когда вам не хотелось целовать актрису в кадре? Какие женские качества вызывают у вас психологическое отторжение?

— Что-то пошли вопросы из области биологии... Нет, со мной такого не случилось. Иногда бывает сложно заставить себя увлечься актрисой, а это на период съемок необходимо, ну и прибегаешь к каким-то уловкам.

— И что же, есть специальный тренаж или как?

— Тренаж, да. Ну что ж я буду рассказывать-то? Это тайна актерской профессии. Вот как могут два человека, которые ненавидят друг друга, играть Ромео и Джульетту? На сцене сходят с ума от любви, а за кулисами — как кошка с собакой? Это и называется актерской школой. У каждого свои способы добиваться необходимого эффекта: когда великий трагический актер Папазян играл Отелло, ему нужно было, чтоб в кулисах обязательно стояла блондинка — тогда все шло хорошо, выходил на сцену и приводил публику в экстаз.

— Правда ли, что все трюки в кино вы выполняете сами?

— Выполнял.

— Какой из них самый трудный и опасный?

— Когда в фильме «Убить дракона» меня за ноги поднимали краном на 45 метров. Я даже получил приз за лучший трюк года на фестивале «Золотой Дюк». Кроме того летал на воздушном шаре, выполнял трюки на лошадях, на машинах, ломал ноги — было много чего.

— А не случилось ли, чтобы какой-то из ваших персонажей странным образом помог вам по жизни?

— Ну предположим, когда я спел «уно мemento», пришла такая сумасшедшая популярность, что можно было, скажем, смело нарушать правила дорожного движения: гаишники проявляли неслыханную лояльность. Но вообще-то от мысли, что одна глупая песенка перебила практически все, что было сделано в профессии прежде, становилось порой не по себе... Еще очень много мне дала картина «Гений».

— Много — чего?

— Того, что называется любовью народной. Люди так страдались, изверились во всем, что подсознательно жаждали появления Робина Гуда. Я впервые видел, как на обычном киносеансе зрители в зале аплодировали моему персонажу, который натягивал нос и бандитам, и милиции. Я даже не ожидал, что может быть такой успех.

— Скажите напоследок, существует ли в вашей жизни некий ритуал, который вам слаще всего нарушать?

— Ритуалов особых нет, но если утром нужно куда-то идти, а ужасно не хочется, я придумываю историю, что заболел, или...

— ...или к президенту вызвали — как бывшее доверенное лицо.

— ...и остаюсь в постели. Так хочется выспаться!

— Может, потому что по ночам картины пишете? Кстати, что активизирует ваши живописные эксперименты: выигрыш или проигрыш? (Известно, что вы регулярно играете в казино).

— Активизирует любое потрясение, независимо от знака «плюс» или «минус».

— И каков ваш самый крупный в жизни выигрыш?

— Несколько десятков тысяч долларов. Но случайные деньги легко ускользают: я проигрывал их почти тотчас же.

Татьяна РАССКАЗОВА